

**Отзыв на X Международную конференцию МААП
«Психология юности. Проблемы нового поколения» (Москва, 4-6 октября 2013)**

К моей вящей досаде, 4 октября 2013-го на Урал с подготовительным визитом решила заглянуть зима и авиалайнер Екатеринбург – Москва не смог вовремя взлететь с обледеневшей полосы. Четырехчасовая задержка обернулась для меня потерей двух первых сообщений X конференции: «Цветок: случай юношеского нарциссизма» (Батя Брош Пальмони) и «Психосоциальные аспекты подросткового насилия». Последнего сообщения особенно жаль – за последующие дни я не раз имел возможность убедиться в глубине и оригинальности идей его автора – швейцарского аналитика Аллана Гуггенбуля. Впрочем, я еще вернусь к его докладам. Как и ранее, я остановлюсь на сообщениях, которые вызвали интерес у меня лично; и, конечно, нижеследующий текст – это лишь мое понимание материала.

Первым сообщением, которое я услышал на этой конференции, был доклад Анны Скавитиной «Дети-проекты в травматическом мире». Анна – детский аналитик с большим опытом работы и способностью этот опыт обобщать и концептуализировать. Она говорит о том, как за последние 20 лет изменились установки у родителей ее маленьких пациентов. Теперь это психологически продвинутые персонажи, фиксированные на идее детской травмы и готовые сделать все, чтобы ее избежать. И, похоже, эти новые родители преуспевают, потому что в истории их детей аналитик не в состоянии найти психологическую травму в привычном ему виде. Любопытным, хотя интуитивно вполне объяснимым, оказывается нежелание таких детей быть понятыми, и их тяга к тому, чтобы «все было по-настоящему» - жестоко, кроваво, фатально! Лишь бы жизнь не стала «глянцево́й» - бутафорской и пустой. Страдание становится сакральным, но место ему находится не собственной душе, а в судьбе других людей. Лишенный опыта ранней фрустрации и возвращения потерянной заботы, такой ребенок не может вместить в себя этот опыт и остается отчужденным от действительных потребностей своей души. Но участвуя в жизни страдающего Другого, он постепенно находит путь к себе, осознавая ценность душевных ран и обретая в них отсутствующую ранее опору. Культурная идентичность, как отмечает Скавитина, построена, прежде всего, на травмах и поражениях. Не имея собственных травм, человек не сможет срезонировать и полноценно адаптироваться – найти свое место в культуре.

Интересно? Да! Мне очень понравилось, хотя я бы поспорил с автором доклада относительно «исчезнувшей травмы». Когда ты получаешь все, что хочешь – без задержек и сопротивлений – полученное теряет психологическую ценность, поскольку душа не успевает вложиться в желаемое. И тогда полученная игрушка или «вкусняшка» - это лишь «буквальный» предмет, не содержащий в себе психического измерения. Я съел конфету, но моя душа так ничего и не поняла про интенсивность моего любовного голода, глубину моего отчаяния и силу моей ярости. Не успела... «Психологически продвинутые» родители не в состоянии выдержать фрустрирующую паузу и больше всего на свете боятся оказаться плохими – обвиненными в жестокости и садизме. Другими словами, дело совсем не в желании психологически грамотно заботиться о своем ребенке. Быть объектом такой тотальной родительской заботы, означает превратиться однажды в их «нарциссическое расширение», утратив собственное наполнение и смыслы. Это ли не травма?

Вторым докладчиком шел Андрей Ломоносов. Его сообщение называлось «Юность: образы и смыслы в европейской художественной традиции Нового времени». Отличное, академически выдержанное сообщение по теме конференции, похожее на лекцию в рамках спецкурса «Психоаналитическая

культурология». Андрей показывает, как появляется концепция юности в мышлении художников эпохи Возрождения, обретая статус полноценного этапа человеческой жизни. «Юность» вклинивается в принятую на тот момент трехчастную временную шкалу «ребенок – муж – старик», и становится образом идеального человеческого состояния. Интересно, что этот образ в художественном ряду воплощает юноша, а не девушка, поскольку она – либо ребенок, либо уже женщина – у нее нет переходной зоны. Докладчик представляет развитие отношения к юности как последовательность стадий. В начале, юность кажется мимолетной и неустойчивой, и потому на символическом уровне, с одной стороны, конфронтирует с косностью, с другой, воплощая красоту и совершенство – с самим ходом времени. Затем, она принимает на себя божественные проекции – от образа Ганимеда, украденного орлом-Зевсом до Иоанна Крестителя, унесенного Христом, воплощенных в том же самом сюжете. На следующем этапе, юность предстает порочной, воплощая телесность и эротизм. Она – опасна невольным моральным падением (Блудный сын) и потому ее надо по возможности аккуратно «проскочить». Прожить поскорее, чтобы не «вляпаться в неприятности». Я смог проследить авторскую мысль лишь до XIX века, когда морализация в интересующей нас теме заняла все смысловое пространство. Это было время, когда юношескую мастурбацию начали лечить кастрацией. В этом месте я и потерял нить повествования. Впрочем, и само сообщение вскоре завершилось. Доклад шел в высоком темпе и сопровождался удачными презентациями. Одна из них (Бертель Торвальдсен «Ганимед и орел») еще некоторое время после завершения сообщения исполняла роль заставки, невольно радуя глаз.

Первым докладом субботы было сообщение Аллана Гуггенбюля «Мифодраматическая групповая терапия». Аллан – это спокойный, сдержанный мужчина среднего роста с совершенно неожиданной внешностью Мика Джаггера. Когда Аллан молчит, на его лице проступает что-то похожее на сардоническую гримасу. Мне сразу почему-то вспомнилось название его книги – «Зловещее очарование насилия». Да-да! Именно так и должен выглядеть ее автор! В первый момент образ Аллана вызывает замешательство. Однако его речь очень живая и наполнена жестикуляцией – ее легко слушать и понимать. На этой конференции вообще изменился формат взаимодействия с аудиторией – теперь докладчики не сидят за дальним столом, а неторопливо перемещаются по сцене, на пару с переводчиком. Субъективно, с позиции слушателя, это переживается как более близкий контакт. И не важно, где слушатель расположился: за партами в центре аудитории или в римском круге – на «антресолях».

Мифодрама – это групповая форма работы с трудными детьми. В эту категорию попадают жертвы насилия, малолетние преступники, дети, чьи родители разводятся, дети с поведенческими проблемами и прочее. За год, через руководимый Алланом департамент Бернского университета, проходит более двухсот таких детей.

Группы специализированы по темам. Количество участников 8-10 человек. Временной сеттинг гибкий – продолжительность работы - 2 3 часа.

Атмосфера мифодраматической группы не директивна и больше напоминает театр. Групповая сессия не обязательно привязана к одному помещению и может проходить «на выезде». Например, на заброшенном заводе или складе. Ведут группу трое: специалист и два практиканта. Для последних это часть их профессиональной подготовки.

Поскольку у всех маленьких членов группы проблемы с дисциплиной, и они не знают, как это быть в терапии, ведущий группы уделяет особое внимание контакту, в котором учитываются особенности детской коммуникативной культуры.

Стадия приветствия – это начальный и очень важный момент. На этом этапе ведущему необходимо вовлечь ребенка в неформальное общение и включить его субъективную реальность в групповое поле: «Приветствие – это всегда вопрос о событиях в жизни ребенка».

Следующая стадия называется «Запрос». Ведущий в свободной манере предлагает участникам выбрать ту или иную тему, или, с оглядкой на смыслы, « витающие в воздухе», предлагает свои варианты.

«Игра» – третья стадия – состоит из разного рода раскрепощающих упражнений. Главное – вовлечь участников в игру, которая поможет раскрепостить воображение, необходимое на следующих этапах. Травмированные дети часто не умеют играть, поэтому важно помочь им снова научиться делать это.

На четвертой стадии ведущий рассказывает истории, которые, так или иначе, раскрывают тему запроса. История может быть не слишком сложной, но должна содержать в своей структуре четкие образы движущих сил, порождающих конфликт и создающих у членов группы когнитивный диссонанс. Сюжет истории должен быть привязан к некоему месту (замку, городу и прочее). История – это основной инструмент, помогающий состояться глубокому контакту, опосредованно вовлекающему раненные части. Если ее не будет, сознание ребенка окажется запертым в рамках его собственного защитного видения. Чрезвычайно важно пригласить в процесс всех участников. Для этого ведущий рассказывает историю, по несколько раз повторяя одни и те же моменты, заменяет словесные конструкции «смачными», телесными образами (не «сильно удивился», а – «его глаза округлились от ужаса и он прямо-таки затрясся»). И, конечно, ведущий все время «сидит на обратной связи», считывая и маркируя детские реакции: «О! Джон! Ты побледнел. Что с тобой происходит? Почему?»

На пятой стадии, которая называется «Фантазии», участникам предлагается озвучить свой вариант окончания истории. Аллан говорит: «И эти варианты, как правило, совершенно безумны!» Это безумие необходимо, поскольку именно оно приносит изменения.

На шестой стадии, ведущий работает с тем, что ребенок нафантазировал. Я не очень понял, как именно происходит эта работа, но, возможно, ведущий внимательно интересуется деталями безумного замысла («Как именно будет взорвана школа»). Мы знаем из опыта, что каждая новая деталь оттягивает на себя часть аффекта. Выпуская и оформляя в подробностях безумие, ведущий освобождает подавленный аффект и возвращает его под контроль сознания. Ведущий уважает фантазию, как если бы это была реальность, он не парализован ею, и, конечно, он не отталкивает ребенка и готов следовать за его динамикой.

Седьмая стадия называется «Трансфер». Честно прожив предыдущий этап, ведущий заслужил доверие детей. И теперь может получить доступ к пониманию того, что происходит на самом деле. Какой бы пугающей и отвратительной не была озвученная фантазия, она содержит в себе конструктивную энергию, которую ведущий направляет в новое русло. Основным инструментом служит позитивная коннотация. Например: «ты так здорово продумал и рассчитал, как взорвать школьный автобус, заложил динамит в самое слабое место конструкции. Может быть, когда вырастешь, станешь физиком?» Все, кто работает с детьми знает, насколько такая интервенция продуктивна. Меня лишь не оставляет удивление – как Аллан проделывает это не с одним ребенком, а с группой?

Ведущий мифодраматической группы стремится идентифицировать архетипическую модель, лежащую в основе психики ребенка, потому что она – основной ключ к пониманию его процессов. Кроме того, такой подход является гуманистической, безоценочной альтернативой психиатрическому диагнозу, который уверенно поставлен квалифицированным миром взрослых почти каждому ребенку, посещающему такие группы. Вот что говорит Аллан: «я не вижу особенного смысла в диагнозах, потому что много раз имел возможность убедиться в несоответствии клинического заключения и действительного состояния ребенка».

Последняя стадия в работе называется Zveri (Цвери). Это можно перевести, как «легкий перекус» - это непродолжительная совместная трапеза и веселое общение между всеми участниками группы. Как попить чаю с печенюшками в обществе интересных и приятных людей – вызывает чувство общности, но не обременяет – легко расстаться и приятно когда-нибудь встретиться вновь.

Я так подробно останавливаюсь на этом докладе из-за несомненной щедрости его автора, который не только сформулировал принципы своей работы, но и представил нам всю технологическую цепочку. На мой взгляд, это заслуживает уважения и глубокой благодарности. Аллан Гугенбюль – это первый аналитик, идеи и представления которого не вызвали у меня никаких сомнений или внутренних споров – готов подписаться подо всем, о чем говорил в своих докладах этот человек.

Следующим докладчиком шла Батя Брош Пальмони – аналитик из Израиля. Ее сообщение посвящено книге Эриха Нойманна «Дитя». В начале своего выступления Батя отмечает, как непросто ей выступать после Аллана. Хотя, на мой взгляд, она вполне справилась. «Дитя» - это реконструкция раннего детского развития с точки зрения архетипического подхода. Мы в целом знакомы с идеями Нойманна относительно детства по работам Эндрю Самуэлса. «Дитя» - это последняя книга одного из основных юнгианских теоретиков; она вышла в свет середине 50-х. В ней сделана попытка устранить смысловой антагонизм во взглядах на раннее устройство младенческой психики: безобъектный нарциссизм или первичная привязанность к объекту? Антагонизм устраняется введением нового конструкта «унитарной реальности»: младенец Нойманна воспринимает мир как общую целостность, в которой субъект и объект временно тождественны друг другу, а Самость равна миру. Например, в этой реальности слух – это способность младенца пользоваться ушами матери. Унитарное состояние передается через образы Рая – места, где однажды зародится сознание, и где пока содержатся все противоположности. Задача матери, с одной стороны, заключается в поддержке этой унитарной реальности – важно чтобы младенец смог пройти эту «внеутробную эмбриональную стадию» без травматических потрясений; с другой – способствовать его прогрессирующей способности к автономии, своевременно «подтолкнув» младенца к самостоятельному освоению мира. Конечно, всю книжку не пересказать, да это, как мне кажется, и не было целью доклада. Батя Брош Пальмони хотела рассказать о Нойманне как о теоретике, реформаторе и человеке. И сделала это! Было очень интересно услышать о клиниках-коммунах, в которых все организовано в соответствии с его идеями. Юнгианская вселенная, воплощенная в пространстве физического мира – мне было бы интересно взглянуть на это вживую. Жена Эриха Нойманна, принимавшая самое непосредственное участие в работе клиник, использовала хиромантию в качестве диагностической системы, позволявшей отслеживать изменения в терапии. Как вам такое? «Ваша линия жизни удлинилась – похоже, терапия была успешной!» Это, конечно, шутка, но мне отчего-то вдруг захотелось научиться понимать язык холмов и черточек человеческой руки...

Третий доклад назывался «Потеря себя в юношеском психозе». Его читала Арнхильд Лауенг – норвежский клинический психолог, которая, что называется, видела психозы изнутри. Российский читатель знает ее как автора глубокой и трогательной книги с безумным названием: «Завтра я всегда была львом». Но в самом докладе Арнхильд не было ни грамма сумасшествия. Она рассказывала о своем опыте пребывания в психиатрической клинике очень спокойно, выдерживая корректные паузы и давая понятные пояснения относительно своих переживаний. Она не юнгианка, но под ее радиальными диаграммами без возражений подписался бы любой аналитический психолог, опирающийся на теорию комплексов. Арнхильд говорила о смысловой ловушке, в которую попадает человек с диагнозом «шизофрения». «Я вижу волков и режу себя!» «Конечно, ведь вы больны шизофренией!» «Но почему это происходит со мной?» «Потому что вы больны

шизофренией». Закольцованный диалог, запирающий вопрошающего в сферу отчуждения, внутри которой нет будущего и нет смыслов, которые был бы готов принять мир снаружи.

- Я мертва! – заявила однажды Арнхильд персоналу клиники.

- Не выдумывай! – ответили ей. – Мертвецы не разговаривают!

Первая реплика – попытка психологически правдиво объяснить другому свое состояние. Ответная реплика несет утверждение здравого смысла: да, в мире здоровых людей, мертвецы действительно не разговаривают. Но одновременно утрачивается шанс воспринять первое послание символически, а вместе с этим, и возможность контакта. Арнхильд, в конечном счете, повезло с психологами, которые помогли ей выбраться. В ключевые моменты они делали четыре, казалось бы, несложных вещи: принимали объяснение Арнхильд на символическом уровне; находили *позитивную* цель в ее поведении; обозначали аналогию этому поведению в жизни здоровых людей; подчеркивали возможность перспективного будущего. Внутренний голос Арнхильд называл себя Капитаном и время от времени говорил ей: «Порежь себя, иначе те, кого ты любишь, умрут!» Однажды она так и сделала, вызвав у персонала вполне понятную тревогу и раздражение. Но один психолог, тем не менее, спросил ее: «Зачем ты это сделала?» Арнхильд объяснила, что таким образом она спасает своих близких. «М-мм! Понятно, – ответил ей этот человек. – Ты знаешь, это очень похоже на мою работу – я тоже спасаю людей. Может быть, когда ты поправишься, ты и сама станешь психологом...» Какое мощное конструктивное послание! Когда Арнхильд рассказывает об этом моменте в своем докладе, я почти вижу, как создается мерцающий мост между инкапсулированным сознанием пациентки и внешним миром. Понадобилось восемь долгих лет прежде, чем этот мост стал зримым и надежным. И не думаю, что эта работа сплошь состояла лишь из таких удачных интервенций...

Атмосфера на этом докладе тоже непростая – воздух как будто плотный, для вдоха требуется некоторое усилие. Это мне напомнило один интересный детский опыт. Мы с друзьями часто играли около стройки и там, однажды, с крана сорвалась секция газовой трубы, примерно метр в диаметре и два длиной. Труба падала на землю неправдоподобно медленно, а звук от удара оказался глухим, но настолько сильным, что я помню, как меня словно ударило по ногам и толкнуло в грудь. Мы долгое время стояли потрясенные и подавленные. Возможно, это было чем-то похоже на низкий звук большого колокола. Церковная, религиозная ассоциация не кажется мне лишней – Арнхильд, и в самом деле, отчасти производит впечатление пророка, побывавшего «там», и вернувшаяся в «здесь» с новым пониманием и видением. И этот пророк хочет быть очень аккуратным, чтобы не напугать потенциальную паству. Харизматичная личность!

Завершающий доклад субботы назывался «Происхождение песочной терапии: Юнг и Дора Кальфф». Его читает Барбара Тернер – аналитик из США. Это лекция, посвященная истории жизни Доры Кальфф, подружившей «песочный метод» Маргарет Ловенфельд с аналитической психологией и, тем самым, создавшей «Sandplay». Я не специалист в этом походе и прочитал лишь пару книг по данному методу. Они были написаны женщинами, ссылки в этих книгах тоже были сделаны на работы, написанные женщинами. Ну, казалось бы, какое мне дело, но ближе к окончанию этого плавного и убаюкивающего доклада, я вдруг озадачиваюсь вопросом: а, вообще, мужчины в *sendplay* есть? О чем и спрашиваю докладчицу. Оказалось, что есть – гендерное соотношение примерно такое же, как в остальных видах психотерапии – мужчины есть, но женщин, конечно, больше. Я понимаю, что глупо не верить сказанному, но со своей странной фантазией я так до конца и не расстался...

Первым докладчиком воскресенья шел Аллан Гуггенбюль с темой «Юнгианский подход в образовании». «Когда образование становится слишком серьезным, - говорит Аллан в самом начале своего выступления, - оно становится неэффективным». Как и в России, в Швейцарии

школа – мишень для множества проекций. Но главной (победившей) является фантазия «о школе, защищающей детей от хаоса и деструкции». Вот, что отмечает Аллан: «В моем детстве мы могли лазить по заборам и крышам – быть отчаянными королями школьного двора! Для современных детей это совершенно невозможно». Как если бы школа превратилась в механизм защиты от самого бессознательного. С другой стороны, новый мир детей оказывается словно бы опасным для учителей, которые все время отстают от настоящего. Ведь как бы они не старались, они, по своей функции и роли, обречены транслировать и сохранять консервативные идеи и ценности. Защищаясь, они сами того не осознавая, стараются сбить с толку тех, кого обучают. Ведь «если тебя поймут, то не сочтут умным» и достойным уважения. В свою очередь, дети, в ответ на нарциссическое доминирование и контроль старшего поколения, тоже вынуждены развивать и ограничивать свой «антишкольный мир». И ученики и учителя живут в травматической готовности получения друг от друга болезненной раны, и больше всего на свете стремятся этого избежать. «Но дело в том, - говорит Аллан, - что пока у вас не возник конфликт, вы не знаете, какие отношения у вас могут быть с этим человеком». Стремление избегать неопределенности (хаоса) делает систему все более жесткой и отчужденной.

Что предлагает Аллан? Я, возможно, не опишу все, что было сказано на эту тему, но лишь то, что понял и запомнил сам.

Школа могла бы стать местом встречи и обмена смыслами между поколениями. Для этого учителю стоит остановиться в гонке за настоящим и осознать свою *вневременность*. Последнее означает узнавание, понимание и принятие архетипической модели взаимодействия свойственной конкретному учителю. Архетип существует вне времени и, от поколения к поколению, меняются лишь его репрезентации, но не сущность. Кто ты в своей преподавательской практике: трикстер или, может быть, мастер церемоний? В чем твои слабые и сильные стороны? Кем становятся или могут стать твои ученики, будучи включенными в твой архетипический паттерн в позиции дополняющего полюса?

Следующий пункт касается толерантности по отношению к конфликтам между учителями и учениками. Нужно научиться конфликтовать психологически грамотно, превращая катастрофическую стычку из «битвы за сохранение лица» в творческое взаимодействие, в конце концов, проясняющее позиции сторон. Наконец, можно рассматривать класс как форму проективного существования Самости. По мнению Аллана, это работает для экстравертного ребенка, но мне кажется, что и для ребенка-интроверта тоже – в той степени, в какой он ощущает себя частью класса.

Второй доклад субботы назывался «Группы выживших в холокосте и их сновидения». Его автор, Батя Брош Пальмони, рассказывает о своем многолетнем опыте работы со сновидческими группами: «Важно разбить тишину, чтобы говорить о травмах!» Участники группы – женщины преклонного возраста, носящие с собой травматический опыт холокоста. В подходе Бати группа рассматривается как пространство для индивидуации ее участников. Стимулом для динамического процесса являются сновидения, которые не интерпретируются, но выступают в роли генераторов душевных состояний, которые затем проживаются и осмысляются в группе. Сновидение одного участника рассматривается как значимое для всей группы. Цель работы заключается в постепенном освобождении от травматических остатков. Нарботанная групповая связность и доверие позволяют участникам обращаться к «ядру архетипической невинности». Похожую идею мы встречали у Мэрион Вудман в ее «Страсти к совершенству». Контакт с архетипической невинностью помогает произвести своего рода «перезагрузку» в плане самопринятия, избавившись от ощущения «плохости» и «порчи», наведенных травматическим опытом. Теперь, восстановив психологическую невинность, участники в атмосфере любви и поддержки проживают боль утрат, принимая свой возраст и постепенно восстанавливая связь со своим внутренним ребенком.

В докладе представлено несколько сновидений, на примере которых Батя старается показать работу группы. Их текст выводится на презентационный экран, но уже где-то на

втором фрагменте, я теряю нить повествования. Лишь аффективный фон остается доступным. И в нем – много печали.

Третьим докладчиком воскресенья идет Арнхильд Лаувенг с темой «Практика лечения психозов». Это продолжение ее предыдущего сообщения. Она рассказывает о тактике персонала: об успешных и провальных интервенциях и маневрах. Например, в ситуации галлюцинаторного, но, субъективно, вполне реального присутствия волков в восприятии Арнхильд, одна медсестра упрямо утверждала, что комната пуста – и никаких волков нет. Другая – начала кричать, что видит их и бросалась стульями. И то, и другое было бесполезным. Первая отрицала волков, а вместе с ними, и пациентку; вторая бросала стулья туда, откуда волки уже ушли (в этом месте Арнхильд криво улыбается). Продуктивным оказался следующий маневр: психолог спросил: «А как ты себя чувствуешь, когда видишь волков? Вот если бы я видел их, как видишь ты, я бы чувствовал все тоже, что ты описываешь». Отвержения не происходит. Для Другого интерес представляют не волки (т.е. симптомы), а сама Арнхильд – ее восприятие и поступки. Ее видят!

В этом сообщении Арнхильд немного больше рассказала о Капитане – ее автономном голосе, которому на время психоза она отдала возможность управлять своей жизнью: «Иметь такого «капитана» внутри очень легко удобно: я тебя никогда не брошу, - говорит он, - только слушайся меня». Он – это решение проблемы беспомощности и невыносимого аффекта, поскольку делает все, чтобы его подопечная их не испытывала. Арнхильд не упоминает Дональда Калшеда, но ассоциации с его травматической теорией, это – первое, что приходит на ум. «Если бы я могла выносить душевную боль, - говорит она. – Капитан мне не был бы нужен». Мне показалось очень интересным, что при всей значимости этого персонажа, Арнхильд относится к нему всего лишь как к индикатору «check engine» на панели автомобиля, который указывает на неисправность в двигателе, но сам по себе не является источником проблем. По ее мнению, центральной проблемой психоза была и остается потеря себя. К словам человека, который прожил все это изнутри, стоит отнестись с предельным вниманием.

Оба доклада, которые прочитала норвежский психолог на этой конференции, произвели на меня сильное впечатление. И надо сказать, что она прекрасно вписалась в поле юнгианской конференции.

Для меня этим докладом X конференция МААП завершилась. Я ехал в Домодедово и думал о том, как раскрылась тема, вынесенная в заглавие этого мероприятия? В этом смысле, Юность оказалась травмированной, изо всех сил борющаяся за выживание, внимание и понимание. Интересно, а когда-нибудь было иначе?

Екатеринбург, октябрь 2013